

Кurosава о Куросаве

Режиссер, которого Стивен Спилберг однажды назвал «современным Шекспиром изобразительности», как известно, не любил открыто обсуждать свои фильмы. Однако в интервью Доналду Ричи, впервые появившемся в журнале *Sight & Sound* в 1964 году, он рассказал о многом, и отрывки из этой и других бесед мы публикуем ниже.

«Гений дзюдо» (*Sugata Sanshirô*), 1943

Дебютная полнометражная работа Куросавы, снятая им в тридцать три года. Картина, действие которой происходит в XIX веке, рассказывает о деревенском юноше, приезжающем в большой город, чтобы обучаться боевым искусствам.

Помню, когда я впервые произнес «снято!», мне показалось, что голос совсем не мой. Во второй раз это уже был я. Думая об этой первой картине, я в основном вспоминаю, как хорошо мне было, пока мы ее снимали. А в то время было нелегко приятно проводить время, снимая кино, потому что шла война и не разрешалось говорить о том, что казалось мне важным. Тогда все думали, что настоящий фильм, снятый в японском стиле, должен быть как можно более простым. Я не согласился, но мне это сошло с рук — что-то мне все же удалось сказать.

«Пьяный ангел» (*Yoidore tenshi*), 1948

Начало сотрудничеству Акиры Куросавы и Тосиро Мифунэ положила история о гангстере и враче-алкоголике (которого сыграл другой его великий актер, Такаси Симура).

В этой картине я наконец обрел самого себя. Это был мой фильм: его сделала я и никто другой. Отчасти так получилось благодаря Мифунэ. Симура прекрасно играл доктора, но я обнаружил, что не могу контролировать Мифунэ. Осознав это, я позволил ему играть, как он хотел, свободно распоряжаться ролью. Я не хотел подавлять его энергию, душиТЬ в нем жизненную силу. В итоге, хотя название относится к доктору, все запомнили именно героя Мифунэ.

Он на все реагирует стремительно. Если я говорю ему что-то, он сразу хватывает из этого десять смыслов. Намерения режиссера он схватывает на лету. Мифунэ отличается от большинства японских актеров, и я хотел, чтобы он развивал свой талант.

Одна из причин невероятной популярности этой картины в то время — полное отсутствие конкуренции: никакие другие фильмы не проявляли искреннего интереса к человеку. С одним из персонажей у нас были трудности — собственно, с доктором. Мы с Кэйносукэ Уэгусой снова и снова переписывали его роль. И все равно герой выходил неинтересным. Мы уже готовы были сдаться, когда меня вдруг осенило, что персонаж слишком уж хорош, чтобы быть реальным, — ему был нужен дефект, некий порок. Вот поэтому мы

и сделали его алкоголиком. В то время большинство киногероев четко делились на «белых» и «черных»: либо почти святые, либо отъявленные негодяи. А нашего доктора мы сделали «серым».

«Расёмон» (Rashômon), 1950

Шедевр Куросавы, в котором история изнасилования и убийства рассказана с полярных точек зрения нескольких персонажей, в 1951 году получил «Золотого льва» на Венецианском кинофестивале и породил живой интерес международной аудитории к японскому кинематографу.

Я считаю, Матико Кё блистательно сыграла в этой картине, очень сильно. И чтобы добиться такого результата, ей пришлось около месяца репетировать роль.

Мы остановились в Киото, ждали, пока достроят декорации. Чтобы немного развлечься, мы начали смотреть какие-то 16-миллиметровые записи. На одной из них был фильм Мартина Джонсона о джунглях, и в одном из эпизодов я увидел льва, бродящего в поисках добычи. Я отметил для себя эту сцену и сказал Мифунэ, что именно такой игры я хочу от него, что он должен стать этим львом.

Тогда же в центре города Масаюки Мори посмотрел фильм о джунглях, и там показывали черного леопарда. Мы все пошли смотреть эту картину. Когда на экране показался леопард, Матико была потрясена и спрятила лицо. Я увидел ее жест и осознал, что это как раз то, что я хотел видеть в образе жены самурая.

Я люблю и всегда любил немые фильмы. Зачастую они намного красивее звуковых. Возможно, так и должно быть. Я во что бы то ни стало хотел хотя бы частично воспроизвести эту красоту. Помню, я думал так: одна из техник современной живописи — упрощение, и поэтому я должен упростить свою картину.

Во время работы над фильмом проблем нам хватало. Когда мы закончили монтаж первой части, на студии случился пожар, и затем второй — когда мы занимались озвучанием. Воспоминания о том периоде не приносят мне радости. Я также не знал, что картину послали в Венецию. И этого бы, конечно, не случилось, если бы Джулиана Страмиджолли¹ не увидела ее или она бы ей не понравилась.

«Идиот» (Hakuchi), 1951

Вскоре Куросава экранизировал роман Достоевского «Идиот». Продюсерской компании Shochiki оригинальная авторская версия показала слишком длинной и впоследствии была значительно сокращена. Картина не имела успеха у критиков и оказалась коммерческим провалом.

Этот фильм я задумал еще до того, как снял «Расёмон». Я с детства читал Достоевского и уже тогда подумал, что из этой книги может получиться великолепный фильм. Естественно, нельзя сравнивать меня с ним, но он по-прежнему мой любимый автор — Достоевский наиболее честно говорит о человеческом бытии. И мне кажется, сняв эту картину, я наконец по-настоящему понял его.

Люди говорили, что фильм вышел неудачный. Я так не думаю. По крайней мере, если рассматривать его просто как развлечение, не думаю, что он стал полным провалом.

¹ Глава агентства Unitalia Film.